

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).185-192

Партийное правотворчество

Ирина Викторовна Минникес

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

АННОТАЦИЯ

В статье оценивается возможность участия партии в правотворчестве. Установлено, что понимание правотворчества как деятельности государства по созданию и изменению нормативных актов не охватывает всего многообразия понятия правотворчества. На конкретных примерах из практики деятельности Коммунистической партии в советском государстве доказано, что в определенных исторических условиях партия могла выполнять роль правотворческого субъекта. При этом масштабы этой роли варьировались от идеологического руководства до автономной законодательной деятельности. В зависимости от выполняемой роли и механизма внедрения партии в правотворческий процесс выделено пять форм участия. Первая форма обозначена как «Партийная инициатива» и предполагает, что партия адресует государственному органу предписание, которое в общих чертах или детально определяет, каким именно нормам нужно придать характер правовых. Крайняя степень вмешательства партии в правотворческий процесс в рамках партийной инициативы предполагает создание партией конкретных статей будущего нормативного акта. Вторая форма представляет собой официальное участие партийных структур в правотворческом процессе в качестве полноправных субъектов. В этом случае в правотворческом процессе появляется особая «партийная» стадия. На этой стадии партийная структура создает, вносит поправки, оценивает или одобряет законопроекты. Миновать партийную стадию невозможно, это считается нарушением правотворческого процесса. Третьей формой является совместная правотворческая деятельность партии и государства, которая может варьироваться от равноправного партнерства до партийного диктата. Четвертая форма участия обозначена как «Комплексное правотворчество», поскольку сочетает признаки нескольких форм. Пятая форма – «Автономное партийное правотворчество». Это независимое от официального государственного законодателя создание партией правовых актов. Акты партии по своим характеристикам соответствуют требованиям к нормативным правовым актам. Результат проявления этой формы участия партии в правотворчестве обозначен как «партийный правовой акт».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

правотворчество, правовой акт, партия, партийное правотворчество, советское государство, партийный правовой акт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Минникес И.В. Партийное правотворчество // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 3. С. 185–192. DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).185-192.

Original article

Party law-making

Irina V. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, Russia
ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

ABSTRACT

The article assesses the possibility of the party's participation in law-making. It is established that the understanding of law-making as the activity of the state to create and amendment of legislative act does not cover the entire diversity of the concept of law-making. Using concrete examples from the practice of the Communist Party in the Soviet State, it was proved that under certain historical conditions the party could perform the role of a law-making entity. At the same time, the scale of this role varied from ideological leadership to autonomous legislative activity. Depending on the role performed and the mechanism of the party's introduction into the law-making process, five forms of participation are identified. The first form is designated as «Party initiative» and assumes that the party addresses the state body with an order, which in general terms or in detail determines which norms need to be given the character of legal. The extreme

© Минникес И.В., 2021

degree of the party's interference in the law-making process within the framework of the party initiative presupposes the creation by the party of specific articles of the future legislative act. The second form is the official participation of party structures in the law-making process as rightful subjects. In this case, a special «party» stage appears in the law-making process. At this stage, the party structure creates, amends, evaluates, or approves draft laws. It is impossible to bypass the party stage, this is considered a violation of the law-making process. The third form is the joint law-making activity of the party and the state, which can range from equal partnership to party dictate. The fourth form of participation is designated as «comprehensive law-making» since it combines features of several forms. The fifth form is «Autonomous Party law-making». This is the creation of legal acts by the party, independent of the official state legislator. According to their characteristics, these acts of the party comply with the requirements for regulatory legal acts. The result of the manifestation of this form of party participation in law-making is designated as a «party legal act».

KEYWORDS

law-making, legal act, party, party law-making, soviet state, party legal act

FOR CITATION

Minnikes I.V. Party law-making. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*. 2021;22(3):185–192. (In Russ.). DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).185-192.

Подход к правотворчеству как к осуществляемой государством внешней объективации нормы права в форму нормативно-правового акта длительное время является господствующим во многих теоретико-правовых исследованиях. Но охватывает ли такое определение все многообразие субъектов и результатов правотворчества?

Во-первых, стоит задать вопрос о том, только ли нормативный акт является продуктом правотворческой деятельности?

Как отмечено выше, ответ на данный вопрос чаще всего положительный. «К формам выражения советского права (к его источникам) относятся только *нормативные акты* (здесь и далее выделено мною. — И. М.)» или «главным образом нормативные правовые акты» [1, с. 82, 80]. «Правотворчество — это деятельность компетентных субъектов, направленная на издание и совершенствование *нормативных актов*», — писал А.Ф. Черданцев [2, с. 205]. Л.А. Морозова обозначает правотворчество как деятельность государства по изданию, изменению и отмене нормативных правовых актов [3, с. 253]. Практически идентично, как деятельность «... по изданию, переработке и отмене нормативных правовых актов», трактовал это понятие В.К. Бабаев [4, с. 399]. В.В. Лазарев считает, что продуктом правотворчества являются нормативные правовые акты [5, с. 47]. С тех же позиций оцениваются итоги правотворческой деятельности государства: «По *результатам правотворческой работы — законам и иным нормативным актам* — судят о государстве в целом» [6, с. 297–298].

Но круг источников права даже в рамках нашего государства не ограничен исключительно нормативным правовым актом. Беглый взгляд на содержание законодательных актов дает воз-

можность увидеть и иные варианты правотворчества — в виде признания обычая как правового, а также в виде утверждения положений договора публичных субъектов, придавая ему тем самым форму нормативного договора.

Еще менее такой ограниченный подход относится к тем правовым системам, в которых нормативный правовой акт не полностью исключил из правовой практики все иные возможные формы права.

Кроме того, историко-правовой анализ позволяет дополнить список источников даже в рамках нашего отечественного права иными формами (источниками) права, например, религиозными текстами, поэтому список тех форм, в которые воплощаются итоги правотворчества, ни в коей мере нельзя ограничить нормативным правовым актом.

Изучение истории советского права, а также практики правового регулирования в некоторых современных зарубежных государствах показывает, что особое место среди регуляторов общественных отношений занимали партийные акты.

Но издание партийного акта лежит вне компетенции государства. Можно ли партию приписать к субъектам правотворчества?

Во-вторых, нужно прояснить еще один вопрос, который напрямую связан с первым, — является ли государство единственным субъектом правотворчества?

В теоретико-правовых исследованиях правотворчество рассматривается прежде всего (а зачастую и единственно) как прерогатива государства: именно государство, «создавая норму права или санкционируя норму, созданную общественной организацией, включает в действие весь сложный комплекс правоприменительных и правоохранительных средств и воздейству-

ет таким путем на поведение лиц, коллективов и в конечном счете на развитие общества» [7, с. 7]; «Правотворчество – одно из важных направлений работы *любого государства*. Это специфическая, требующая особых знаний и умений интеллектуальная деятельность, связанная с созданием или изменением существующих в государстве правовых норм» [6, с. 297–298]; «Под правотворчеством понимается деятельность государства...» [3, с. 253].

Однако и в этом контексте проблему нельзя рассматривать так однозначно. В частности, религиозные тексты, которые в некоторых странах стоят в ряду источников права, исходят не от государственных органов. По аналогии такую же роль в обществе можно отвести для актов, исходящих от партии.

При этом вряд ли это предположение способно добавить что-то к реальной оценке роли партии в советском государстве. Ведь даже тем, кто не ставит вопрос о правовой значимости партийных актов, но адекватно оценивает советскую действительность, было очевидно, что партийные решения затрагивают все стороны жизни социалистического государства и проводятся в жизнь как «непосредственно партийными органами, так и через государственные органы...» [8, с. 240]. Таким образом, исследователи не скрывают того факта, что государство служило средством воплощения в жизнь тех норм, которые были предложены в форме партийных актов.

Правда, не любое общество принимает такой источник права. Для признания партийного акта правовым [9, с. 113] необходимо, чтобы партия играла господствующую роль в политической системе, а партийный и государственный аппарат «вросли» друг в друга так, что все ведущие посты в государстве априори принадлежали исключительно партийным лидерам разного уровня.

Именно такая ситуация сложилась в нашей стране с начала 20-х годов XX века.

Сходные условия наблюдались во второй половине XX века в ряде других стран – в Китае, на Кубе.

В настоящее время самым иллюстративным примером является положение Трудовой партии Кореи (далее – ТПК) в Корейской Народно-Демократической Республике (далее – КНДР). При этом ведущий статус ТПК имеет с момента ее провозглашения в 1949 году и по настоящее время. Статья 11 Конституции республики указывает, что КНДР осуществляет всю свою деятельность под руководством Трудовой партии Кореи. Нынешний лидер ТПК Ким Чен

Ын является не только Генеральным секретарем партии, но и председателем Государственного совета КНДР (другое наименование поста – «Председатель государственных дел Корейской Народно-Демократической Республики), возглавляет Центральную военную комиссию ТПК и одновременно занимает пост Верховного главнокомандующего Корейской народной армии. Последнее недвусмысленно воплотилось в предписаниях Конституции КНДР: согласно статье 59 вооруженные силы КНДР призваны самоотверженно *защищать ЦК партии во главе с великим товарищем Ким Чен Ыном*, охранять интересы трудового народа, отстаивать социалистический строй... Иными словами, первое место в списке охраняемых вооруженными силами занимает ЦК партии и ее лидер. Другие партии, существующие в стране, не могут конкурировать с правящей по степени ее влияния на массы и государственную политику.

Ситуация, сложившаяся в настоящее время в КНДР, несколько отличается от той, которая была создана в советском государстве. Но основные принципы – монопольное господство одной партии (или однопартийность, как в нашей стране), сращивание партийного и государственного аппарата с приматом партийного над государственным вполне узнаваемы, как сходны и положения конституций о руководящей и направляющей роли партии. В таких условиях любое партийное решение приобретает особую окраску и, вполне вероятно, может стать в один ряд с актами, исходящими от государственных органов.

Допустив мысль об участии партии в правотворческой деятельности, можно с помощью исторических фактов обозначить несколько форм такого участия.

Форма 1. Партийная инициатива

Партийная инициатива предполагает, что партия адресует государственному органу предписание, которое в общих чертах или детально определяет, каким именно нормам нужно придать характер правовых.

В зависимости от степени детализации предписаний будущего акта государства можно выделить три ступени партийной инициативы.

Инициатива идеологического характера. Эта форма характеризуется минимальным вмешательством партии в правотворческий процесс. Оно ограничивается исключительно обозначением направления правотворческой деятельности государственных органов. В этом случае

законодатель принимает партийный акт лишь в качестве руководящего документа. Например, Пленум ЦК ВКП (б) 7–12 декабря 1927 года обозначил в качестве направления государственной политики борьбу за снижение розничных цен, а далее это указание было реализовано в нормативном акте государственного органа – Постановлении Совета Труда и Оборона от 2 июля 1927 года [10, с. 139].

Инициатива содержательного характера.

В этом случае степень вмешательства партии в процесс правотворческой деятельности государства гораздо более заметен, поскольку именно решение партии определяет необходимость и форму акта, тот правотворческий орган, который должен издать данный акт, а также указывает ряд базовых положений будущего закона. Например, партией решено «предложить НКТ и НКВД» разработать закон, который регулировал бы право пользования квартирами; указано, что это регулирование должно ориентировать «в направлении установления права свободного обмена квартир, введения договорных начал в пользовании заводскими квартирами на срок, после истечения которого рабочие должны освобождать занимаемые ими квартиры, установления права свободного перехода из одного жилищного кооператива в другой и полного освобождения фабрично-заводских помещений от лиц, не работающих на данном предприятии» [10, с. 166].

Инициатива текстуального характера. Крайняя степень вмешательства партии в правотворческий процесс в рамках партийной инициативы предполагает выработку партией конкретных статей будущего акта государства. В этом случае соответствующий (чаще всего назначенный теми же партийными структурами) государственный орган не обладает правом вносить значимые коррективы в «предлагаемый» партией текст, как не имеет права и проигнорировать партийное предписание. Партийный акт в данном сценарии выступал не как идеологический маяк для законодателя, а как проект нормативного правового акта, причем такой проект, содержание которого не подлежит изменению.

Иллюстрацией может служить Резолюция X съезда РКП (б) 8–16 марта 1921 года о замене разверстки натуральным налогом и утвержденный меньше чем через неделю, 21 марта 1921 года, Декрет ВЦИК о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом.

Зачастую доказательством такого рода «инициативы» был краткий временной период между партийным решением и его нормативным во-

площением. Так, если, например, 16 апреля 1925 года Политбюро приняло решение о применении наемного труда в крестьянских хозяйствах, а 22 апреля в «Правде» и «Известиях» уже опубликовали соответствующий Декрет СНК, очевидно, что никакой дополнительной переработки и законодательного процесса не было. Аналогичный вывод можно сделать из того факта, что «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» 10 апреля 1984 года были одобрены Пленумом ЦК КПСС, а через два дня, 12 апреля, – утверждены Верховным Советом СССР.

Интересно отметить, что советские исследователи не видели в этом ничего странного и выходящего за пределы полномочий партийного органа: «Ряд положений партийных решений непосредственно воплощаются в правовых нормах. При этом содержание нормы законодательного акта совпадает с существом программной политической установки» [11, с. 111].

Форма 2. Партия – участник процесса правотворчества

Эта форма предполагает непосредственное и открытое, часто юридически оформленное вмешательство партийных организаций в процесс правотворчества. Партия в лице своих постоянных или специально создаваемых структур внедряется в правотворческий процесс в качестве полноправного его участника, иногда даже с решающими полномочиями.

Данная форма имеет несколько вариантов внедрения партии в процесс.

Участие в законопроектной работе. Данная разновидность предполагает участие партийных органов в разработке проекта нормативного акта наряду с государственными структурами.

Наглядной иллюстрацией реализации этого варианта является процесс разработки и принятия конституций советского государства. Так, в 1918 году именно на специальную комиссию ЦК РКП (б) была возложена миссия не только выбрать лучший из двух проектов Конституций, подготовленных комиссией ВЦИК и наркоматом юстиции, но и разработать окончательный вариант проекта. В 1935 году подкомиссии Конституционной комиссии, завершив и выверив «Первоначальный проект Конституции СССР», передали его в рабочую группу аппарата ЦК ВКП (б), а не в законодательный орган. Рабочая группа, в свою очередь, внесла коррективы в проект и подготовила «Черновой набросок Конституции СССР», причем «набросок»

разослали не только членам Конституционной комиссии, но и членам Политбюро, и именно этот проект с некоторыми поправками был внесен на обсуждение Пленума ЦК ВКП (б) 1 июня 1936 года. Фактически именно Пленум решил судьбу Основного Закона страны, указав в резолюции: проект Конституции СССР «Одобрить в основном...» и, ввиду особой важности данного вопроса, «считать целесообразным» созыв съезда Советов [12, с. 335].

Интересно, что в пункте 11 «Инструкции по работе с секретными документами в аппарате ЦК КПСС», утвержденной 12 февраля 1980 года, есть рекомендация только о предварительном «согласовании» проектов, вносимых отделами ЦК на рассмотрение высшего партийного руководства, с Секретариатом Президиума Верховного Совета. Следовательно, именно партийные структуры, а не государственные органы руководили течением законотворческого процесса.

Иногда партия берет на себя задачу «предварительного просмотра» проекта, не формируя специализированную структуру: «Поручить СТО предварительно рассмотреть задания, данные ведомством постановлением СНК от 28 июня и до внесения в СНК *внести в Политбюро*»¹.

Решение процессуальных вопросов. Были возможны ситуации, когда от партийных решений зависел порядок прохождения законопроекта.

Показательна в этом контексте резолюция Политбюро от 31 марта 1927 года, в которой партийная структура принимает решение «снять с порядка дня съезда Советов БССР вопрос о конституции Белорусской Республики», поскольку предварительная разработка проекта Конституции проходила «неправильно», причем дальнейшие комментарии не оставляют сомнений – в чем выражалась «неправильность»: проект «не обсуждался на сессии ЦИК Белоруссии»².

Одобрение законопроектов. В некоторых случаях за партийной структурой оставляли право решающего голоса в виде окончательного одобрения предложенного законопроекта. Причем в некоторых случаях в актах используется скромная резолюция «Одобрить проект» (например, «*одобрить* проекты законодательных актов СССР и РСФСР по вопросам усиления борьбы с нетру-

довыми доходами...» [13, с. 285], а иногда встречается и полноправное «утвердить проект» (например, резолюция Политбюро «Постановление СТО от 10.08.1927 г. об отмене обязательности авансов *утвердить*»³).

Кроме того, можно выделить смешанный вариант, сочетавший разные типы внедрения партии в правотворческий процесс.

Форма 3. Совместная правотворческая деятельность партии и государства

В.М. Корельский еще в середине 60-х годов выдвинул идею о том, что в совместных актах партии и правительства настолько велико взаимодействие и взаимопроникновение партийных и правовых начал, что нормы, которые в них зафиксированы, «являются по существу едиными партийно-правовыми нормами» [14; 15]. Его идею не поддержали, однако в реальности партия действительно не только несла идеологический посыл в совместные акты, но и была полноправным субъектом совместного правотворчества.

Эта форма также имеет несколько вариантов в зависимости от того, насколько сильна партийная составляющая. Оценить реальную роль партии можно, анализируя содержание документа.

Паритетное правотворчество. В этом варианте партия и правительство (не единственно возможный, но наиболее частый «партнер» партийной структуры) работают на паритетных началах.

Совместные постановления этого типа поддержат и совместные решения обоих партнеров, например, денежная реформа и отмена карточек на продовольственные товары объявлены совместным Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б), при этом, судя по тексту, именно Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) решили провести денежную реформу [16, с. 157–158].

Неравноправное партнерское правотворчество. Второй вариант внешне выглядит сходным с первым, т. е. наименование акта может начинаться с государственной структуры, например, Постановление «О строительстве школ в городах» от 22 февраля 1935 года – это, как свидетельствует его наименование, постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б). Однако внимательное изучение текста документа позволяет усомниться в том, что это решение полноправ-

¹ Протокол заседания Политбюро № 120 от 18 августа 1927 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=70289;tab=img> (дата обращения: 23.09.2021).

² Протокол заседания Политбюро № 93 от 31 марта 1927 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=70289;tab=img> (дата обращения: 26.09.2021).

³ Протокол заседания Политбюро № 120 от 18 августа 1927 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=70289;tab=img> (дата обращения: 23.09.2021).

ных субъектов. В тексте открыто заявляется, что оценка состояния школ – это мнение не правительства, а партии, поэтому именно «ЦК ВКП (б), считая такое положение совершенно непереносимым, постановляет» [12, с. 198].

О такой же расстановке сил свидетельствует практика одобрения совместных постановлений высшими партийными структурами. В частности, в резолюции майского Пленума ЦК ВКП (б) 1939 года перечисляется сразу несколько проектов совместных постановлений, которые Пленум принял решение «одобрить» [17, с. 109].

Иногда партия выступает на паритетных началах с официальным законодателем без использования легального средства оформления «сотрудничества»: «...Поручить ЦК компартий и Президиумам Верховных Советов союзных республик внести соответствующие изменения и дополнения в законодательство союзных республик...» [13, с. 26].

Форма 4. Комплексное правотворчество

Несмотря на то, что С.С. Алексеев придерживался общепринятой позиции по поводу партийного акта, тем не менее его наблюдение наиболее точно отразило данную форму внедрения партии в правотворчество: «Сначала – решение или иное руководящее положение в партийном документе, затем – общее, часто совместное ЦК КПСС и Совета Министров СССР, партийно-государственное нормативное решение... и, наконец, конкретный нормативный акт государственного органа» [18, с. 20].

Таким образом, в данной форме воплотились признаки сразу двух предыдущих – партийной инициативы, в конце концов завершающейся нормативным актом государства, и совместного правотворчества партийного и государственного органов. Примером комплексной формы может служить решение XVIII съезда ВКП (б). Съезд принял решение утвердить задания третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, ранее принятые «Центральным Комитетом ВКП (б) и Советом Народных Комиссаров СССР» [16, с. 57].

Другим возможным «комплексом», сочетающим основы совместного правотворчества с положением партии как участника правотворческого процесса, может служить единоличная корректировка партийной структурой содержания совместных постановлений партии и правительства.

В частности, судя по протоколу заседания Политбюро, утвержденное СНК и ЦК ВКП (б)

от 14 июля 1933 года Постановление «О сроках определения урожайности зерновых культур» Политбюро в одностороннем порядке решило «дополнить»⁴ собственным решением.

Форма 5. Автономное партийное правотворчество

Самой дискуссионной формой в данном исследовании является самостоятельное, автономное от официального законодателя, издание партией актов, по своим характеристикам соответствующих требованиям к нормативным правовым актам, с единственным отличием в том, что они исходят не от государственных структур, а от партийных.

Вопрос о вероятности существования особой ветви правового регулирования «партийного законодательства» был поставлен еще в те времена, когда сращивание партийного и государственного аппарата только начиналось и охват партийными нормами всех сторон жизни советского общества еще не был столь широким и полным. Статья С.И. Раевича «О характере норм партийного законодательства», опубликованная в 1923 году в журнале «Советское право» (№ 3(6), обнародовала мнение автора, что нормы, изданные партийными структурами, имеют «в известной мере юридический характер», могут признаваться «своего рода правом», а партийное право в целом заслуживает статуса самостоятельной и «соподчиненной с советским» отрасли права, к которой в полной мере могут быть применены «юридические понятия и приемы» [19, с. 92–93].

Следует сказать, что реальность партийного правотворчества, не будучи теоретически обоснована, практиками была признана полностью. Именно те, кто наблюдал воздействие партийных актов на правовую сферу отношений, могут дать самые справедливые оценки роли партии.

В частности, М.И. Калинин, судя по представленным О.Д. Максимовой документам, даже не сомневался в существовании партийного правотворчества. Он заявлял: «У нас есть три высших законодательных органа, и работы их так тесно переплетаются, что если любого спросить, какой орган имеет преобладающее влияние, вы этого выяснить не сможете. Эти три органа – Совет Народных Комиссаров, ЦК партии и Президиум ВЦИК» [20, с. 8–9]. На этом примере можно проследить, как законодательные положения отличаются от жизни: в статье 31 Конституции РСФСР 1918 года было предусмотрено,

⁴ Протокол заседания Политбюро № 142 от 01 августа 1933 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/87080/images> (дата обращения: 30.09.2021).

что высшим законодательным органом являлся Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов, а Совету Народных Комиссаров принадлежит функция «общего управления», в русле которой он может издавать декреты, распоряжения и инструкции (ст. 37, 38). ЦК партии вообще не упоминается в связи с изданием каких-либо актов правового характера.

Примеры самостоятельного партийного законотворчества не столь многочисленны, как ранее указанные формы, но тем не менее они есть. Так, именно XVI конференция ВКП (б) приняла резолюцию о мерах борьбы с бюрократизмом. Интересно, что частью утвержденных партией мероприятий было, как сообщает особый раздел документов конференции, «Улучшение личного состава *советского* аппарата». В список мер, продиктованных конференцией в отношении «вычищаемых» работников, вошли перевод на низшую должность, а для «злостных» — исключение без права работы в советском аппарате и опубликование фамилий в печатных изданиях [10, с. 473].

Можно заключить, что во всех приведенных примерах партия выполняла роль творца права,

создавая акты нормативного характера. Это было настолько привычно для современников, что законодательные полномочия партии было предложено включить в текст Конституции СССР 1977 года.

Таким образом, в определенных исторических условиях (как обозначено в Указе Президента РСФСР от 6 ноября 1991 года № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», — когда партия представляла собой «особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямым подчинением КПСС») партия могла выполнять роль правотворческого субъекта. При этом масштабы этой роли варьировались от идеологического руководства до прямой законодательной деятельности.

Если учесть, что некоторые страны повторяют опыт советского государства в этом направлении, вопрос о партийном правотворчестве имеет не только сугубо теоретическое, но и практическое значение, особенно в плане международного общения с государствами, в которых партия имеет особое влияние на государственный аппарат и правовую жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Явич Л.С. Право и общественные отношения (основные аспекты содержания и формы советского права) / Л.С. Явич. — Москва : Юрид. лит., 1971. — 152 с.
2. Черданцев А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. — Москва : Юристъ, 2003. — 392 с.
3. Морозова Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова. — Москва : Юристъ, 2004. — 414 с.
4. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2014. — 715 с.
5. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юристъ, 2001. — 520 с.
6. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. — 2-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма, 2000. — 616 с.
7. Научные основы советского правотворчества / О.А. Гаврилов, Н.П. Колдаева, А.С. Пиголкин [и др.] ; отв. ред. Р.О. Халфина. — Москва : Наука, 1981. — 317 с.
8. Закономерности развития социалистического государства / В. Кнапп, Л.С. Мамут, Р.А. Сафаров [и др.] ; редкол. В. Вайхельт [и др.]. — Москва : Юрид. лит., 1983. — 367 с.
9. Минникес И.В. Партийные акты в системе источников советского права / И.В. Минникес, С.А. Токмин. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 184 с.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — 9-е изд. доп. и испр. — Москва : Политиздат, 1984. — Т. 4: 1926–1929. — 575 с.
11. Тихомиров Ю.А. Теория закона / Ю.А. Тихомиров. — Москва : Наука, 1982. — 257 с.
12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — 9-е изд. доп. и испр. — Москва : Политиздат, 1985. — Т. 6: 1933–1937. — 431 с.
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — 9-е изд. доп. и испр. — Москва : Политиздат, 1989. — Т. 15: 1985–1988. — 670 с.
14. Корельский В.М. Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР / В.М. Корельский // Правоведение. — 1965. — № 2. — С. 23–28.
15. Корельский В.М. О характере норм, создаваемых общественными организациями / В.М. Корельский // Советское государство и право. — 1963. — № 9. — С. 101–104.

16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — 9-е изд. доп. и испр. — Москва : Политиздат, 1985. — Т. 8: 1946–1955. — 542 с.

17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — 9-е изд. доп. и испр. — Москва : Политиздат, 1985. — Т. 7: 1938–1945. — 574 с.

18. Алексеев С.С. Советское право как средство осуществления политики КПСС / С.С. Алексеев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1977. — № 5. — С. 15–23.

19. Раевич С.И. О характере норм партийного законодательства РКП (К вопросу о создании общепартийного кодекса) / С.И. Раевич // Советское право. — 1923. — № 3. — С. 92–100.

20. Максимова Д. Законодательная деятельность Всероссийских Съездов Советов, ВЦИК и Президиума ВЦИК в период перехода к новой экономической политике (1921–1922 гг.) / О.Д. Максимова // История государства и права. — 2010. — № 20. — С. 7–10.

REFERENCES

1. Yavich L.S. *Law and public relations (the main aspects of the content and form of Soviet law)*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1971. 152 p.

2. Cherdantsev A.F. *Theory of State and Law*. Moscow, Yurist Publ., 2003. 392 p.

3. Morozova L.A. *Theory of State and Law*. Moscow, Yurist Publ., 2004. 414 p.

4. Babaev V.K. (ed.). *Theory of State and Law*. 3rd ed. Moscow, Yurait Publ., 2014. 715 p.

5. Lazarev V.V. (ed.). *General Theory of Law and State*. 3rd ed. Moscow, Yurist Publ., 2001. 520 p.

6. Korelskii V.M., Perevalov V.D. (eds). *Theory of State and Law*. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2000. 616 p.

7. Gavrilov O.A., Koldaeva N.P., Pigolkin A.S. [et al.]; Khalfina R.O.(ed.). *Scientific foundations of Soviet lawmaking*. Moscow, Nauka Publ., 1981. 317 p.

8. Knapp V., Mamut L.S., Safarov R.A. [et al.]; Vaikhelst V. [et al.] (eds). *Regularities of development of a socialist state*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1983. 367 p.

9. Minnikes I.V., Tokmin S.A. *Party acts in the system of sources of Soviet law*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 184 p.

10. Egorova A.G., Bogolyubova K.M. (eds). Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). 9th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1984. Vol. 4. 575 p.

11. Tikhomirov Yu.A. *Theory of law*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 257 p.

12. Egorova A.G., Bogolyubova K.M. (eds). Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). 9th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1985. Vol. 6. 431 p.

13. Egorova A.G., Bogolyubova K.M. (eds). Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). 9th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1989. Vol. 15. 670 p.

14. Korelskii V.M. *On the features and meaning of the norms contained in the joint resolutions of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR*. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1965, no. 2, pp. 23–28. (In Russian).

15. Korelskii V.M. *On the nature of the norms created by public organizations*. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1963, no. 9, pp. 101–104. (In Russian).

16. Egorova A.G., Bogolyubova K.M. (eds). Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). 9th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1985. Vol. 8. 542 p.

17. Egorova A.G., Bogolyubova K.M. (eds). Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). 9th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1985. Vol. 7. 574 p.

18. Alekseev S.S. *Soviet law as a means of implementing the policy of the CPSU*. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1977, no. 5, pp. 15–23. (In Russian).

19. Raevich S.I. On the nature of the norms of the party legislation of the RCP (On the creating a general party code). *Sovetskoe pravo = Soviet Law*, 1923, no. 3, pp. 92–100. (In Russian).

20. Maksimova O.D. Legislative activity of the All-Russian Congresses of Soviets, the All-Russian Central Executive Committee and the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee during the transition period to the new economic policy (1921–1922). *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2010, no. 20. pp. 7–10. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минникес Ирина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; Researcher ID E-6361-2017

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Minnikes — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research. Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003; Researcher ID E-6361-2017

Поступила в редакцию / Received 02.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised 06.10.2021

Принята к публикации / Accepted 20.10.2021